

Милешина Наталья Александровна

**ПАТРОНАЖНЫЕ СВЯЗИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ "ДЕКОРАТИВНОСТИ"
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ)**

Статья посвящена одной из важнейших составляющих системы ценностей провинциального дворянства – институту покровительства. На основе широкого спектра неопубликованных источников анализируются патронажные связи дворянства, их взаимосвязь с эпохой, влияние на социальные отношения второй половины XVIII – середины XIX в. Особое внимание уделено механизму формирования "декоративности" сословных отношений на основе патронажных связей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/30.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 117-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. **Красноярская Марининская женская гимназия** [Электронный ресурс]: визитная карточка // Российская кадетская перекличка. 2009. № 9. URL: <http://fskk.ru/journal/?aID=314> (дата обращения: 10.09.2013).
6. **Манукян В. М.** Военно-патриотическое воспитание населения России (1905-1914 гг.). СПб.: ИВЭСЭП, 2007. 95 с.
7. **О создании общеобразовательных учреждений – кадетских школ (школ-интернатов), имеющих целью подготовку несовершеннолетних граждан к профессиональному служению Отечеству на гражданском и военном поприще:** Распоряжение Президента РФ № 118-рп от 9 апреля 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 1997. № 15. Ст. 1783.
8. **Об утверждении «Типового положения о кадетской школе (школе-интернате)»:** Постановление Правительства Российской Федерации № 1427 от 15 ноября 1997 г. // Российская газета. 1997. 26 ноября.
9. **Отечественные традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания в кадетских корпусах, кадетских школах, суворовских и нахимовских училищах.** Оренбург: М-Пресс, 2005. 121 с.
10. **Сибирский кадетский корпус** [Электронный ресурс]: визитная карточка корпуса // Российская кадетская перекличка. 2009. № 7. URL: <http://fskk.ru/journal/?aID=264> (дата обращения: 05.09.2013).
11. **Юданов Д.** Корабль, несущий меня к мечте [Электронный ресурс] // Российская кадетская перекличка. 2010. № 10. URL: <http://fskk.ru/journal/?aID=364> (дата обращения: 03.09.2013).
12. **Я и мой кадетский корпус. Письмо президентам** [Электронный ресурс]: сочинение учащегося 5-го класса областной кадетской школы-интерната И. Чубанова. Город Усолье-Сибирское Иркутской области // Российская кадетская перекличка. 2009. № 7. URL: <http://fskk.ru/journal/?aID=266> (дата обращения: 03.09.2013).

NOBLE TRADITIONS IN PATRIOTIC AND MORAL EDUCATION OF MODERN CADETS

Mileshina Natal'ya Aleksandrovna

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevev
natmil@mail.ru

The article presents the analysis of the principles of patriotic and moral education in modern cadet corps. The basic stages of the process of cadet education system revival in Russia in the 1990-2000s are determined. Particular attention is paid to the continuity of noble pedagogical traditions; their topicality and need for them in modern pedagogy are substantiated. The reasons of the high efficiency of cadets' education system are revealed.

Key words and phrases: cadet corps; noble traditions; cadet training and education; patriotic education; Orthodox culture.

УДК 94(47).316.4

Исторические науки и археология

Статья посвящена одной из важнейших составляющих системы ценностей провинциального дворянства – институту покровительства. На основе широкого спектра неопубликованных источников анализируются патронажные связи дворянства, их взаимосвязь с эпохой, влияние на социальные отношения второй половины XVIII – середины XIX в. Особое внимание уделено механизму формирования «декоративности» словесных отношений на основе патронажных связей.

Ключевые слова и фразы: провинциальное дворянство; институт покровительства; патронажные связи; стереотипы поведения; протекция.

Милешина Наталья Александровна

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
natmil@mail.ru

ПАТРОНАЖНЫЕ СВЯЗИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ «ДЕКОРАТИВНОСТИ» СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ)[©]

Статья выполнена в рамках проекта НИР «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования» (Госзаказ Минобрнауки РФ ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»).

На протяжении второй половины XVIII – середины XIX столетия важное место в системе ценностей дворянства занимал институт покровительства. Дворяне – авторы мемуаров в этом вопросе были единодушны: без «нужных людей» тогда было трудно продвигаться по службе, поступить в престижное учебное заведение, решить финансовые проблемы. Так было принято в столичной дворянской среде, подобные стереотипы поведения заимствовались и провинцией. В частности, граф Е. Ф. Комаровский вспоминал: «А. Н. имел обо мне попечение самого нежного отца; он немедленно занялся тем, чтобы отдать меня в лучший

тогда в Петербурге пансион г-на Девильнёва, и записал меня, по тогдашнему обыкновению, в службу, и записан был в Преображенский полк сержантом сверх комплекта; а потом, по связям его с Ф. Я. Олсуфьевым, я переведён был в Измайловский полк тем же чином в комплект» [2, с. 228].

Особое значение институт покровительства имел в высших кругах дворянской аристократии. В среде небогатого дворянства это было менее распространено хотя бы потому, что, как утверждала нравоучительная литература изучаемого периода, «человек без денег подобен городу без стены и валов, который всяк атаковать легко войти в него может» [3, с. 29]. Тем не менее незнатное провинциальное дворянство тоже нередко прибегало к помощи влиятельных знакомых в столице. Так, в письмах к знатному князю М. М. Голицыну нередко встречаются подобные высказывания: «дерзнул Вашу светлость просить вашей высочайшей патронации меня удостоить», «покорнейше имею честь принести благодарение; за которых навсегда буду старатца сделать себя достойным». Интересны и подписи: «Ваш покорнейший слуга», «Вашего сиятельства... послушнейший слуга» [4, д. 86, л. 33-34].

Значимость института покровительства нашла отражение и в нравоучительной литературе изучаемого периода: «Обходись же с такими людьми, у которых не только разуму научишься, но и совершенным человеком от компетентности их сделаться можешь... Люди с малым именем в твою компанию не годятся...» [3, с. 221].

В первой половине XIX столетия в условиях разрастания и бюрократизации государственного аппарата, роста произвола и лихоимства чиновников роль определённых связей, необходимых для продвижения по служебной лестнице, принадлежности к высшему обществу стала ещё более ощутимой. Для того чтобы быть принятым в свете, дворянин нередко лицемерил, заводил «нужные знакомства», набивался в друзья аристократам, в течение долгого времени изучал придворные круги. Особое значение нужным отношениям придавалось провинциальными дворянами. Калужский губернатор В. А. Арцимович, приехав в столицу, писал в письме жене: «Вообще я рад, что решился приехать в Петербург, нужно было освежить прежние отношения, и в кругу хороших людей уяснить мою систему действий... Был у наследника Престола; он собирался на смотр казаков, однако принял меня и обошелся как со старым знакомым. У Елены Павловны беседа продолжалась более часа. Словом, возстанавливаю прежние отношения» [1, д. 472, л. 8].

Обращаться к покровителям для решения какой-либо личной проблемы было нормой для дворян. Так, в личных документах нижегородских состоятельных помещиков Шереметевых нами было обнаружено множество писем с просьбами о покровительстве в решении самых разных вопросов, датируемых первой половиной XIX в. Характерны обращения в таких письмах: «Милостивый Государь мой Василий Сергеевич!», «Почтеннейшие благодетели!», «Почтеннейший братец и покровитель мой Сергей Васильевич!» [6, д. 66, л. 1-2, д. 70, л. 3 об.]. Интерес представляют и сами просьбы. Среди них есть традиционные, нацеленные на продвижение по службе. В частности, Софья фон-дер-Говен, двоюродная сестра С. В. Шереметева, в 1831 г. писала ему: «Почтеннейший братец Сергей Васильевич! <...> Муж мой служил и был уволен в чине статского советника. Очень надеюсь, любезный братец, что Вы не оставите его без своей протекции и поможете ему получить место вице-губернатора Нижегородской губернии. Итак любезный Сергей Васильевич поручаю себя и друга моего Вашей заботе» [Там же, д. 147, л. 1]. Стремление переложить ответственность за свою жизнь на ближайших родственников, более влиятельных и обеспеченных, поручить им себя и свои проблемы было характерно для многих дворян. Родственные отношения при этом рассматривались как гарантия положительного результата. Но типичным для дворян было и обращение за помощью к друзьям и даже незнакомым людям.

Постепенно круг вопросов, с которыми дворяне обращались к покровителям, расширяется и фактически не знает ограничений. Так, родственник Шереметевых П. Балк-Палев обращается к Василию Сергеевичу Шереметеву с просьбой «по стесненным обстоятельствам и недостатку средств» принять его дочь Софью на воспитание (1810), Г. Д. Бутурлин умоляет выслать деньги его сыну, «путешествующему по Италии и оставшемуся без денег» (1821), неизвестный автор (предположительно слуга) в письме к Сергею Васильевичу Шереметеву выражает надежду на дальнейшую поддержку некой Ольги Федоровны, которая находилась на содержании в его доме [Там же, д. 150, л. 12, 15, 16]. Соответственно, просители могли обратиться к «благодетелю» с любой, даже самой незначительной, проблемой, рассчитывая на абсолютно безвозмездную помощь. Причем, как следует из резолюций на письмах просителей, Шереметевы не отказывали им в помощи. Видимо, этим объясняется и многочисленность таких обращений.

Просители использовали разные средства, чтобы добиться от покровителя желаемого результата. Так, достаточно часто они апеллировали авторитетом близкого или значимого для благодетеля человека. Кроме того, просители могли обратиться к благодетелю непосредственно через такое лицо. В этом отношении показательно письмо Ф. Г. Бадрова В. С. Шереметеву с просьбой об оказании помощи семье их служащего Никитина, умершего от холеры: «Отставной Никитин попросил меня перед смертью взять на попечение его семью и семья его теперь меня спасителем считает, а в моем положении, чем им помочь, я не знаю... Милостивый государь мой Сергей Васильевич, покорнейше прошу помочь этому семейству» [Там же, л. 2 об.]. Особенно часто просители напоминают покровителю о добродетелях и благородных поступках его родителей, давних дружеских связях их семей. Так, дворянка Анна Белозерова, обращаясь к С. В. Шереметеву со своей просьбой, в первую очередь, ссылается на следующий факт: «Родитель мой майор Александр Федорович Еропкин при императрице Екатерине Алексеевне служил вместе с почтенным вашим батюшкой в гвардии а кроме того был сыном богатого человека у коего было 6 тыс. душ крестьян... впоследствии имение моего деда расстроилось родитель мой в нещастии имел шестерых детей был в бедном положении

незабвенный родитель ваш по старой памяти сделался истинным его благодетелем» [7, д. 12, л. 9]. Просительница добавляла, что видит в Сергее Васильевиче наследника не «одного имени» своего отца, но и его добродетелей: «И его чувство уверяет меня что я в вас найду второго покровителя моего почему беру смелость беспокоить вас письмом моим» [6, д. 147, л. 1].

Многие просители, стремясь добиться желаемого, акцентировали внимание на моральной стороне вопроса, взывали к религиозным чувствам покровителя. В письме к нижегородскому дворянину М. Я. Чаадаеву от профессора Нижегородской Духовной семинарии И. Журавлева, который остался без средств к существованию в результате ограбления разбойниками, проситель подчеркивал: «Было бы лестно увериться в возвышенности Вашего ума и прямоте Вашей души. Оказать возможную помощь человеку в таком положении, каково мое – это дело высокой благотворительности. Будьте же столько добры Михаил Яковлевич, примите небольшое участие в человеке, которого не знаете, но который никогда не забудет благодеяния, какое Вы ему окажете» [Там же, д. 150, л. 2 об.]. Тот же Ф. Г. Бадров, ходатайствующий за семью умершего от холеры служащего Шереметевых, в конце письма сделал приписку: «Каждому должно кому-то помогать» [Там же, л. 3]. Упомянутая выше дворянка А. Белозерова заканчивала свое письмо к С. Д. Шереметеву (1832) следующим: «Заступите место вашего почтенного родителя... Помогите тем более мы целую жизнь были им облагодетельствованы сем Бог наградит Вас своею благодатию» [1, д. 472, л. 11 об.].

Дворяне по-прежнему были весьма разборчивы в том, с кем поддерживать отношения, тщательно определяли соответствующий их статусу круг знакомств. Однако если ранее отдельные представители высшего сословия готовы были на все, лишь бы завязать «нужное знакомство» [5, с. 32], то в XIX веке приоритеты несколько меняются, на что ориентируют и нравоучительные издания: «Нужно всячески избегать унижительной роли искать расположения и знакомства с людьми к нам не расположенными и неизвестными» [3, с. 74]. В то же время некая «декоративность», неестественность, неискренность поступков и отношений стала нормой и формировалась с юного возраста. С. Д. Шереметев дал такую характеристику одной из столичных дворянок: «Княгиня любила декоративность, впрочем её винить нельзя за полученное ею воспитание. Она одна из многих» [8, с. 65].

В целом во второй половине XVIII – середине XIX столетия патронажные связи во многом определяли неискренность и неестественность внутрисословных отношений дворянства. Если в XVIII веке при выборе покровителя задумывались лишь о достижении поставленной цели посредством его помощи, то в первой половине XIX столетия стали тщательно следить за тем, чтобы личные связи не нанесли урона репутации дворянина, а средства гарантированной реализации просьбы приобрели видимое разнообразие – от взывания к христианским или родственным чувствам благодетеля до акцента на моральной стороне вопроса.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 815. Оп. 1.
2. Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 464 с.
3. Наука щастливым быть. СПб.: Тип. Имп. АН, 1775. 352 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1263. Оп. 1.
5. Семенова Г. Ю. Психология служилого сословия в России XVII в. по Повестям и Сказаниям о Смутном времени // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 2. С. 31-37.
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 933. Оп. 1963.
7. ЦАНО. Ф. 984. Оп. 1.
8. Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2004. 736 с.

PATRONAGE TIES AS MEANS OF SOCIAL RELATIONS “DECORATIVENESS” FORMATION (BY EXAMPLE OF RUSSIAN PROVINCIAL NOBILITY OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH – THE MIDDLE OF THE XIXTH CENTURY)

Mileshina Natal'ya Aleksandrovna

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev
natmil@mail.ru*

The article is devoted to one of the most important components of the provincial nobility's value system – the institution of patronage. The patronage ties of the nobility, their relationship with the epoch, the impact on the social relations of the second half of the XVIIIth – the middle of the XIXth century are analyzed basing on a wide range of unpublished sources. Particular attention is paid to the mechanism of class relations — “decorativeness” formation on the basis of patronage ties.

Key words and phrases: provincial nobility; institute of patronage; patronage ties; patterns of behaviour; patronage.